

Институт славяноведения
Российской академии наук

**Исследования
по славянской диалектологии**

25

Москва • 2025

**УДК 811.16
ББК 81.41
и 88**

Авторы:

*Н. Е. Ананьева, И. А. Букринская, Ж. Ж. Варбот, С. В. Дьяченко, Д. Н. Гальцова,
А. Ф. Журавлёв, О. Е. Кармакова, С. В. Князев, А. Б. Коконова, И. А. Марченко,
А. В. Малышева, Н. И. Муравлева, С. Л. Николаев, Г. П. Пилипенко, Р. М. Ронько,
М. Н. Саенко, Сладжана М. Цукут, Т. В. Шалаева*

Редакция:

д.ф.н. А. Ф. Журавлёв (отв. редактор серии),
к.ф.н. Д. Ю. Ващенко, М. Н. Толстая (отв. редакторы выпуска),
к.ф.н. М. Н. Саенко

Рецензенты:

к.ф.н. Е. В. Колесникова, к.ф.н. М. В. Ясинская

Исследования по славянской диалектологии. Вып. 25. – М.: Ин-т славяноведения РАН, 2025. – 456 с.

Коллективный труд «Исследования по славянской диалектологии» (вып. 25) содержит статьи на основе докладов, прочитанных на XXV Круглом столе по славянской диалектологии в Институте славяноведения РАН 4–5 июня 2024 года, и публикации диалектных текстов, записанных в экспедициях разных лет.

Издание представляет интерес для широкого круга языковедов — специалистов по славянской диалектологии, лингвогеографии, лексикографии, истории языка, этимологии, социолингвистике.

The collective work contains articles based on reports presented at the XXV Round table on Slavic dialectology at the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences on June 4–5th, 2025 as well as publications of dialectal texts, recorded during field researches over the years. The book is addressed to a wide range of linguists—specialists in Slavic dialectology, linguistic geography, language history, etymology and sociolinguistics.

**ISBN 978-5-7576-0529-6
ISSN 2618-8589**

DOI: 10.31168/2618-8589 (серия)
DOI: 10.31168/2618-8589.2025.25 (выпуск)

© Институт славяноведения РАН, 2025

Содержание

<i>C. Л. Николаев.</i> К акцентуации праславянских <i>o</i> - и <i>u</i> -основ с односложными корнями в карпатоукраинских говорах	5
<i>Сладжсана М. Цукут.</i> Статус переноса ударения на проклитики в северо-западных сербских говорах	149
<i>C. В. Князев.</i> Интонационная фонология русских диалектов: начальный пограничный тон	178
<i>I. A. Букринская, O. E. Кармакова.</i> Русско-белорусское пограничье: история изучения и лексическое своеобразие	207
<i>I. A. Марченко, P. B. Ронько.</i> Диалектные различия между востоком и западом на материале данных Диалектологического атласа русского языка: результаты многомерного шкалирования	236
<i>A. B. Малышева.</i> Родительный при отрицании в говоре Ильменского Поозерья	260
<i>M. H. Толстая.</i> Из синтаксиса закарпатского говора села Русская Мокрая	282
<i>Ж. Ж. Варбот.</i> Об одном русско-сербохорватском лексическом соответствии с корнем <i>хор-</i>	302
<i>H. Е. Ананьева.</i> Польские и русские диалектные эпонимы, мотивированные этнонимами и хоронимами	305
<i>T. B. Шалаева.</i> Ксеномотивация в названиях животных (по материалам «Общеславянского лингвистического атласа»)	316
<i>A. B. Коконова.</i> Лексема <i>КИРПИЧ</i> и производные от нее в северорусских говорах	326
<i>D. H. Гальцова.</i> Общие наименования хозяйственных построек в воронежских говорах	334
<i>A. Ф. Журавлев.</i> Лексикографические фантомы. 14. СРНГ, <i>C</i>	345
<i>A. Ф. Журавлев.</i> Лексикографические фантомы. 15. СРНГ, <i>T</i>	372

<i>С. В. Дьяченко, Г. П. Пилипенко, М. Н. Саенко.</i> Украинские тексты из села Юдино Воронежской области (по данным экспедиции 2024 г.)	407
<i>Н. И. Муравлева.</i> Образцы говора македонских переселенцев в Южном Банате Республики Сербии, сёла Качарево и Глогонь, община Панчево	426
<i>Г. П. Пилипенко.</i> Тексты на славянских языках из Риу-Гранди-ду-Сул (Бразилия) (по материалам экспедиции 2024 г.)	442

Г. П. Пилипенко
(Москва)

Тексты на славянских языках из Риу-Гранди-ду-Сул (Бразилия) (по материалам экспедиции 2024 г.)

Публикуемые тексты были записаны во время полевого исследования в бразильском штате Риу-Гранди-ду-Сул в 2024 году сотрудниками Института славяноведения РАН. Представлены нарративы на польском и украинском языках от пяти информантов. Тексты из данного региона публикуются впервые и представляют интерес как для славянской диалектологии, так и для контактологических исследований, поскольку содержат многочисленные контактные явления.

Ключевые слова: польский язык, украинский язык, португальский язык, контактология, нарратив, полевое исследование, Бразилия.

В настоящей публикации представлены нарративы на переселенческих славянских идиомах, записанные в августе — сентябре 2024 г. во время экспедиции в штате Риу-Гранде-ду-Сул (Бразилия) Г. П. Пилипенко, С. А. Борисовым и В. А. Немчиновым. Полевое исследование проходило в населенных пунктах Кампина-дас-Миссойнс (*Campina das Missões*), Сан-Паулу-дас-Миссойнс (*São Paolo das Missões*), Санта-Роза (*Santa Rosa*), Гуарани-дас-Миссойнс (*Guarani das Missões*), Армония (*Linha Harmonia*) (см. подробнее [Пилипенко, Борисов, Немчинов 2025]). Ниже публикуются тексты от пяти информантов: на польском языке из Гуарани-дас-Миссойнс и Армонии, а также на украинском языке из Кампины-дас-Миссойнс. Речь информантов изобилует многочисленными случаями влияния со стороны португальского языка (в его бразильском варианте). Встречаются как одиночные заимствования в адаптированной и неадаптированной форме, так и фрагменты с полноценным переключением кода. Все неславянские вкрапления выделены в текстах курсивом. Нарративы информантов публикуются с переводом на русский язык.

Особенностью идентичности жителей Кампина-дас-Миссойнс является то, что это поселение считается в том числе русской колонией (про-

живают там также немцы). Русская идентичность поддерживается на административном уровне при установке двуязычных надписей, праздновании памятных дат, а также в деятельности культурных и фольклорных обществ (в частности, ансамбля «Тройка»). В Кампине-дас-Миссойнс и в Санта-Розе действуют православные церкви, находящиеся в юрисдикции Русской православной церкви Московского патриархата. Большая часть информантов, с которыми мы общались, говорит на украинском языке, некоторые также владеют русским. По рассказам наших собеседников, их предки переселились в Бразилию еще во времена Российской империи, в начале XX века. Среди мест, откуда происходила миграция, упоминались следующие регионы: Волынская губерния, Гродненская губерния, Енисейская губерния, Бессарабия (подробнее об этом см. [Заболоцкий 2009]). До сегодняшнего дня тексты из указанных регионов не публиковались. Тематически нарративы посвящены истории переселений предков информантов, их материальной и духовной культуре, в том числе — локальной духовной культуре.

Эд., 75 лет, муж., Гуарани-дас-Миссойнс

Tutaj v *Guaraní*'i, e, tyš'unc, *mil novecentos cinqüanta e sete*, tyš'unc ž'ev'inset p'in'ž'eš'unt š'edym. Moje praž'atk'i moje čtery ž'atk'i pšyjexal'i s Polsk'i, vjem že styl'i, zes Baronuf i z Varšavy, to ja v'em. Moje ž'atk'i navet pam'ital'i, jak pšyjexal'i ūokrentym z drug'ij struny, vjele jexal'i i šystko. Godal'i, jag ž'eč'i małe marl'i vyf okrenč'e, to juš m'el'i trumny, rozum'ita, co to trumny, tak? I m'el'i trumny, to on'i vložyly i do vody, ž'eč'i jak małe umarl'i. A jedyn stryjek mojigo ūojca, ukradl'i go v okrenč'e, v okrenč'e ukradl'i go, vž'iny go, n'igdy v'inc. V okrenč'e byl gž'eš'i n'e nalež'l'i, to n'igdy v'incej. To było smutno no n'e? Muj bože koxany! To jexac' i š'e žegnač' na zafše, jexac' na drug'i kraj n'eznany.

[Я родился] здесь в Гуарани, в тысяча, тысяча девятьсот пятьдесят седьмом году. Мои прадеды и мои четыре деда приехали из Польши, знаю, что оттуда, из Баранова [пол. Baranów, Люблинское воеводство] и Варшавы, это я знаю. Мои деды даже помнили, как они приехали на корабле оттуда, они долго ехали. Они говорили, когда умирали маленькие дети на корабле, то у них уже были гробы, вы понимаете, что такое гробы? Да? У них были гробы, они туда положили их и в воду, когда маленькие дети умирали. А дядю моего отца, его украли на корабле, его взяли и никогда не нашли. Он был на корабле и его не нашли, никогда больше. Это было грустно. Боже! Ехать и прощаться навсегда, ехать в незнакомую страну.

Соб.: В каком году приехали?

Эд.: То najgorše, byx vjež'ič', a n'e v'em. N'e bym mogeł povjež'ič', ale to było tyš'unc ž'ev'in set i tyle. E! Tak *mais ou menos* tyš'unc ž'ev'in set to tak, *porque* šystk'e stamtunt byl'i, ž'atk'i byl'i<...>. Bo jak to było ž'le, f tamty caš'e, žeby jexacač', jak to muv'il'i: "Jaž'im na vjek'i vjekuf, amen". To ž'le no n'e? To je ž'le. Co te b'idactva č'erpjel'i, i ɻuny vjež'el'i tutaj, že pšyjexal'i do Brazyl'iji to pšyjexac' na mjut i na mleko, to jexal'i tutaj, tyko bory. Do Kurityby dojexal'i, tam dužo je Polakuf f Kurityb'e tyš, do Kurityby dojexal'i i jedyn muj ž'adek, ž'adek Zažyck'i, š'e poskaržy do drug'igo tam, n'e v'im co, nasaž'il'i kukuryzy, i cuš' mn'e bježe te kukuryzy, i kradn'e, i kradn'e. Drug'e muvjun: "N'e byč' głup'i ves' i zab'ij!" Ja n'e v'im po polsku jak *macaco* š'e nazыва, vježun, co to *macaco* no n'e? e! "N'e byč' głup'i, za-ab'ij, bo to *macaco* ukradn'e!" I un b'idny m'ał jedne *fuzje*, i stšel'ił, i un zab'il brazyljana. I zab'il tygo brazyljana, muv'i: "Zab'ilym garabaka¹, ale podobny do čłovjeka!" Poš'l'i tam drug'e co muvjun: "Xlop'e, ty zab'il brazyljana". A un ješće n'e znał. I dop'iro s Kurityby do Guaran'i, v nog'i, do Guaran'i, to było ž'le. ɻuny b'idny, i tak ɻuny lubjel'i pšyjexac' gž'e bl'ižy vody, gž'e bl'ižy žek'i, ɻuny tag ž'e byl'i šystko tak, bo ž'imn'a lepša. To było ž'le.

Соб.: В каком году приехали?

Эд.: Это хуже всего, я бы хотел знать, но не знаю. Я не мог бы сказать, но это было в тысяча девятьсот каком-то году. Примерно в тысяча девятьсот каком-то году, потому что все были оттуда, деды были [...]. Как было плохо в те времена, чтобы ехать, как это говорили: «Едем на веки вечные, аминь». Это плохо же? Это плохо. Какие бедствия они пережили, они думали, что приехали сюда в Бразилию и здесь будет мед и молоко, они приехали сюда, [а здесь] только леса. Они доехали до Куритибы, там много поляков в Куритибе тоже, доехали до Куритибы, и один мой дедушка, Зажицкий, пожаловался на одного, не знаю, за что, что посадили кукурузу, и кто-то забирает эту кукурузу, крадет и крадет. Другие говорят: «Не будь дураком, возьми и убей!» Я не знаю, как по-польски сказать, макака называется, вы знаете, что такое макака? — «Не будь дураком, убей, так как это макака крадет!» И у него, бедняги, было ружьё, и он выстрелил и убил бразильца. И убил того бразильца, говорит: «Я убил, но он похож на человека!» Пошли туда другие, которые говорят: «Ты убил бразильца!» А он еще не знал. И руки в ноги, из Куритибы в Гуарани, это было плохо. Они бедные. Им всегда нравилось приехать [и поселиться] около воды, около реки, она так, где были все там, так как земля лучше. Это было плохо.

¹ Благодарю к. ф. н., с. н. с. Института славяноведения РАН М. Н. Саенко за помощь в распознавании данной лексемы.

A tak, tak! To ja v'ižałem, co jo povjem, n'ejedne muvjun, že to duša č'erpjuna, drug'e muvjun, že złoto, to ja v'iž'ał dużo. No co, človjek š'e pšežegna no n'e, tak'e cuš'. To je duša č'erpjuna, co una sxovala to, i una pokazuje ten ęog'in', že co tam je dla tego, co je tam. Muvjun dużo: "O! vykopał złoto!" To vykopał złoto, to tu, to tam. I v'iž'ałem juš tak'e tṣy metry vykopana taka studn'a i vbok v'idač' tam gž'e to človjek był tam. Juš v'iž'ałem na moje š'l'ipje, na moje ęoče, jak to š'e muv'i. To bodaj było lo jak'igoš' i š'e by š'n'iło lo n'ego, un był ž'eč'at, i pšyjexał f ty struny tutaj i nalus, i naluz i vž'un. To pary pakunkuv daly grošy. E! To fšystko tak.

Я видел, о чем расскажу, одни говорят, что это [огоньки в полях] страдающая душа, другие говорят, что это золото, я это видел много. Ну и что, человек перекрестится. Это страдающая душа, которая это спрятала, и она показывает этот огонь, который там для того, что там находится. Много говорят: «О, он выкопал золото!» Выкопал золото. И я видел, такой колодец трехметровый выкопали, и в стороне видно, что там человек был. Я видел своими глазами, как говорится. Это якобы случилось с одним, ему привиделось во сне, он был ребенком, он приехал сюда и нашел, нашел и взял. [Там было] пара мешков с деньгами. Это все так.

Tyn *Saci-tereré* to je tak'i, že bodaj jedne noge ma, i to tak'i bodaj čarny był. E, drug'e tyś š'e tak'e *mito negrinho do pastorero*. Tyn *negrinho do pastorero*, to go potłukl'i, zab'il'i i bodaj go mrufk'i zežarły. I un, vježun tak jak gž'e človjek, co zgub'i abo co, to veznun *fume*, maxork'i, maxork'e, i žucun tam gž'e i prošun, žeby to š'e nalazło, i to bodaj š'e najž'e. To *negrinho do pastorero. Mito*.

Этот Саси-терерé такой, якобы у него одна нога, и он такой черный был. Другой миф также о пастухе-негритенке. Этот пастух-негритенок, его избили, убили и якобы его муравьи съели. И верят, если кто-то где-то что-то потерял или что-то такое, то возьмут табак, и бросят где-то там, и попросят, чтобы это отыскалось, и якобы это найдется. Это пастух-негритенок. Миф.

А.Г., 78 лет, жен.; Ж.Г., 82 года, муж., Армения

Ж.Г.: *Então* my mamy, znovu š, mama polska, tutaj i uružuna i tak no n'e, i žeš'my, ale fšysko po polsku, š'e urož'ily, š'e xovaly po polsku i rozmav'amy po polsku, i žyjemy po polsku.

Итак, у нас, мама полька, здесь родилась и так, но все по-польски [было], родились, воспитывались по-польски и говорили по-польски, и живем по-польски.

А.Г.: Aš f školax bylo juš. Moja profesorka była italjanka, i una rozmav'ala po brazyli'sku, i začyn' im š'e učyč', ale mama rozmav'ala dobže po brazyli'sku, tyš š'e naučyla tu. Una była polska, ale rozmav'ala dobže z robotn'ikamy, tak, to una nas ūučyla to, že: "Rozmav'ajta tyš po brazyli'sku, bo jak pujž'eta do školy, to ne byž'eta um'el'i gadač', rozmav'ač' po brazyli'sku". No to ja pošlam do školy, to dužo zakrynačam, ale profesorka *corregia* no n'e.

И в школах было. Моя учительница была итальянка, и она говорила по-бразильски, и я начала учить, но мама говорила хорошо по-бразильски, она тоже тут выучила. Она была полька, но говорила хорошо с рабочими, она нас учила: «Говорите тоже по-бразильски, потому что когда вы пойдете в школу, не сможете говорить по-бразильски». И я пошла в школу, я очень коверкала язык, но учительница исправляла.

Ж.Г.: Tša bylo š'e naučyč' po brazyli'sku, a po polsku n'e zapomn'el'i. Tak, f škole, ve vojsku to tam tyš musovo byč'. A moje vojsko to bylo *cavalaria*, kon'e, tam n'e było żadnego samoxodu, tylko kon'e! *Cavalaria*. Tu som Luis Gonzaga blysko Argentyny, n'edaleko navet, bo tutaj my mamy ž'ev'in'ž'eš'unt k'ilometruf, žeby do Argentyny dojexać', *rio Uruguay*. Uučyl'i jak to š'e, my to člov'ek po, e, jag by v raž'e, bo tutaj było dužo revolucji v Brazyl'iji, no n'e, to *guerra da Paraguai*, to, m'el'i *exercito* tyš tutaj z Argentunum, rozmajič'e no n'e, *então tinha muita guerra aqui, brigas*, e, že zuuity tutaj na aquela, então, existia muita guerra, então era calavaría. Ja tu byłem navet muzykant na *cavalari-* gralem na tym klarneč'e. *Eu era músico*, no n'e, múzykant.

Нужно было выучиться по-бразильски, а по-польски не забыли. Да, в школе, в армии, там тоже нужно было говорить по-бразильски. А я был в армии – кавалерия, лошади, не было ни одного автомобиля, только лошади! Кавалерия. Здесь Луис-Гонзага [муниципалитет Сан-Луис-Гонзага] находится, близко к Аргентине, даже недалеко, потому что у нас здесь девяносто километров, чтобы доехать до Аргентины, река Уругвай. Учили, как это, если в случае чего, так как тут было много революций в Бразилии, война с Парагваем, и была армия тут с Аргентиной, по-разному было, было много войн здесь, столкновений, были здесь иезуиты, было много войн, и была кавалерия. Я был даже музыкантом в кавалерии, играл на кларнете. Я был музыкантом.

А.Г.: Mama m'ała ž'ev'inč' m'eš'incy jak pšyjexała, i była baržo xora, m'el'i vyžuč'ič' do vody, jag by umarła, bo ono jak jexal'i, jak xto umar, to un'i co zrob'ič'? Puš'č'il'i do vody! I una fč'unš xč'ala jexač' do Polsk'i, lubjała, jak na gazeč'e byly polsk'e luž'e, to una xto pšyšet do dumu, una muš'ała pokazac', i tak š'e č'ešyła, že pšyšla fotografja s Polsk'i <...> Moje ž'atk'i to m'eškal'i f Polsce, i moja bapč'a rob'iła na *fabrica de*, tovar rob'iła, tovary rob'iła, i ž'adek muv'il tak: "Juš mamy p'inč' ž'eč'akuf, a tutaj jes b'ida, a tam gadajum, že tam roš'n'e xl'ibek v ž'im'i, to tam pojaž'im, to tam tam je roskoša, tam je dužo co ješ'č'!". V Brazylji je tag dobže. Jak tu pšyjexaly, to mama muv'i, že tag bapč'a płakała, una n'e była zvyčajna koluniji, a tša było rok fajsovač', tša było rob'ič, saž'ič'.

Маме было девять месяцев, когда она приехала, она была очень больна, ее бы бросили в воду, если бы она умерла, потому что когда они ехали, если кто умер, то что делать? Бросали в воду! И она всегда хотела поехать в Польшу, ей нравилось, когда в газете были поляки, она всегда, когда кто-то приходил домой, она должна была показать, и она так радовалась, что пришла фотография из Польши [...] Мои деды жили в Польше, моя бабушка работала на заводе, производила товары. И дед говорил так: «У нас уже пять детей, а здесь нищета, а говорят, там растет хлеб в земле, поедем туда, там роскошь, там много еды». В Бразилии как хорошо. Когда сюда приехали, мама говорит, что бабушка плакала, она не привыкла жить в колонии [деревне], а нужно было год рубить мачете [растительность], нужно было работать, сажать.

Ж.Г.: F tamtyx časax to n'e było tam jag ž'is'aj traktor, majum vydody te kolon'isty, žeby fš'un'ž'e ar *condicionado, trator*, o! K'edyš' to tša było ve voly! Kun'e!

В то время не было, как сейчас, трактора, сейчас у сельчан удобства, везде кондиционер, трактор. Когда-то нужно было на волах. На лошадях [пахать].

А.Г.: An'i n'e było, robastvo požarło kury, požarło sf'in'e, bo dužo boruf no n'e, to była b'ida. Ale vytšymaly to fsystko, kup'il'i sobje ž'imje, vyxoval'i ž'eč'i, i moja mama š'e vyxoała, i ješče dv'e š'ostry š'e urož'il'i tutaj i fšysko dobže, pšešla ta, jak to muvjun te *medo*, no n'e, po brazylisku.

Этого даже не было, черви съедали кур, съедали свиней, потому что было много лесов, была нищета. Но выдержали все это, купили для себя земли, воспитали детей, и моя мама выросла, и еще две сестры родились здесь и все хорошо. Прошел этот, как это говорят, этот страх, по-бразильски.

А.Л.Г., 90 лет, жен., Кампина-дас-Миссойнс

Tak jak mojá máma l'ičýla, z'íll'jimy, ráznymy z'íll'jamys, ščavél', polýn', šče jaké tam, časnýk. Voný jijí zvály do xáty i voná pryxodyla tudý i varýla i voný báčyly jak i jix l'ičýla. Jidýn čolov'ik buw takýj n'ímeč, šo joyó doxtor'í skazály, šo wže nemá jomú l'ičénn'a. Bol'ilo jomú žolúdok i robýw v'in, somošetšyj, vaškýws'a, i pydorváws'a tak, a voná stála joyó l'ičyt' i výl'ičyla! Todí v'in staw xvályt', de ja ne jízdyw daléko po doxtoráx, sk'il'-ko ja tabl'ětk'iw ny^e pyw, nýxto mené ne výl'ičyw, a tája stará bába rúska výl'ičyla mené s čajem. A še voná bulá šeptúxa, še j molýlas'a, wse pomayálo. Voná molýlas'a tak šo jak dytýna ny wlúcycc'a, šos' jij nyxarašó, bol'né, žówte, to voná kazála, to l'ak, v'in še zl'akáws'a čoyós' i stryvóžyw's'a, joyó n'érvy strevóženy, i joyó tréba pošeptát'. I pomoyálo. "Pres'v'atája Trójic'a, stan' men'í w pómoc", ja še znáju, jak voná počynála molýc'a [...] Stávily butýločku z vodóju, i tr'ápočkoju i tut des' užé tak, móna najtý mn'ěsto, butýločku tak, šob vodá ne pot'íklá, ne, i toydá vonó st'ayló sónce, ot sónca'a yolová bol'ila, jés' a tak šo des' kupájic'a, w r'ícc'i čy u prúdu, u vod'i, tam sónce pryr'ílo, blýsnulo, i šos' i slúčyc'a tut. Tak onó st'ayáje, de nyvrón'i rozyšlýs'a. Éto pomoyálo.

Так, как моя мама лечила, травами, разными травами, щавель, полынь, еще какие-то, чеснок. Они ее звали в дом, и она приходила и варила, и они видели, как их она лечила. Один человек, был такой немец, ему доктора сказали, что для него уже нет лечения. У него болел желудок, и он работал, поднимал тяжести и надорвался так, а она его стала лечить и вылечила! Тогда он стал хвалить: «Куда я ни ездил далеко по врачам, сколько ни пил таблеток, никто меня не вылечил, а эта старая русская баба вылечила меня чаем». А еще она была шептуха, еще и молилась и всегда помогала. Она молилась, если ребенку что-то нехорошо, больной, желтый, то она говорила, это испуг, он испугался чего-то и беспокойный, нервы его беспокойные, и его нужно пошептать. И помогало. «Пресвятая Троица, стань мне в помощь», я еще знаю, как она начинала молиться [...] Ставили бутылочку с водой, и тряпочкой тут где-то так уже, можно найти место, бутылочку так, чтобы вода не потекла, и тогда оно оттягивало солнце, от солнца голова болела, если где-то купается в реке или в пруду, в воду, там солнце пригрело, блеснуло и что-то случилось тут. Так оно оттягивает, где нейроны разошлись. Это помогало.

Negrinho do pastoreio, тóže, to mito xaróše. Buw takýj stans'ér, šo bayáto konéj u jóyo buló, i v'in, todí d'íty b'íyalý tak, ind'ějc'i, brazyl'jánčyk'i, de

buló jix bayáto, semjá, b'íyalý na pryjóm, toj, *stansér* pryjn'áw u *famíliju*, *negrinho*, čornén'k'ij, i tod'í stály wže joyó zyáduvat', robýt' šos', nu da w jýyo buw kon' žówtýj, zdoróvyj. kon' doroyýj, šo v'in kupýw i zaplatýw i skazaw tomú *negrinho*: "Ty c'ílu noč na v'irówc'i deržý joyó, ta na tyj pás'i, na tómu zýll'i, šo velýk'e, nexaj v'in pasécc'a, a ty joyó deržý". Nu toj *negrinho* syd'íw, deržaw-deržaw v'irówku, a pryslá *raposa* tut zwut' jjí i pereyrýzla v'irówku. V'in zadr'imáw, kon' podáws'a, podáws'a i podáws'a. Tod'í prosnúws'a toj xlópčyk, kon'á nymá, staw šukát'. Šukáw, xodýw xodýw do dós'v'ita, do rossv'itu, pryjšow i xaž'ájinu káže: "Kon' wt'ik". — "Jak v'in wt'ik, jak v'irówka bulá kr'épká?" — "Jak, ny znáju. Kusók ostáws'a, a kusók rázumu wz'aw i za jim poynáws'a". Nu to v'in zayadáw tak'ím wže vzróslym nájmytam výlup'it' joyó. — "To v'in bréše! V'in pustýw kon'á". No i voný joyó na-nalupýly. "I zvjaž'ít' joyó i posad'ít' na na kúcu túju, de murášk'i, murášk'i dúže kusl'úči, nexaj znáje!" I zvjazalý joyó i posadýly tam, nexaj murášk'i joyó zjid'át'! i pošlý. A tod'í v'in dúmaje wnočí: "P'ídú da pobáču, čy v'in še tam". Prijšow tudý, nemá murášk'iw, nemá nykóyo, a týl'ko Boyoródyc'a vydé kon'á i *negrinho do pastoreio* sedýt na tómu kon'ú. Nu to jak xtos' šoz' zyúbyt', taká prýkaska, vjír'ut' tak, zyúbyt', to poprosý: "*Negrinho do pastoreio, encontra pra mim por favor, e, o qué eu perdi?*". I nájde! [...] N'e dáže u xát'i, v'in l'ubýw kurýt' toj čornén'k'ij, to kupý pap'írosy, i k'in' tam des'. Tak kážut', šo tája paperósa d'ínycc'a.

Пастушок-негритенок, тоже, это хороший миф. Был такой помещик, у которого было много лошадей. Тогда дети бегали так, индейцы, бразильцы, и где их было много в семье, бегали, их принимали в семьи. Тот помещик принял его в семью, негритенка. И стали ему давать работу. А у него был конь желтый, большой, дорогой конь, которого он купил и заплатил за него. И он сказал тому негритенку: «Ты всю ночь держи на веревке его, на пастбище, на этой траве большой, пусть он пасется, а ты его держи». Ну тот негритенок сидел, держал-держал веревку, а пришла, лиса тут называют ее, и перегрызла веревку. Он задремал, конь подался, подался и убежал. Тогда проснулся тот мальчик, коня нет, стал искать. Искал, ходил-ходил до рассвета, пришел и говорит хозяину: «Конь убежал». — «Как он убежал, когда веревка была крепкая?» — «Как? Я не знаю. Кусок остался веревки, а кусок разума взял и за ним погнался». Ну тут он наказал таким взрослым работникам побить его. «Он врет. Он отпустил коня». И они его побили. «И связите его, и посадите на кучу, где муравьи, муравьи очень кусачие, пусть знает!» И связали его и посадили туда, пусть муравьи его съедят, и пошли. И тогда он ночью думает: «Пойду посмотрю, есть ли он еще там». Пришел туда, нет муравьев, нет никого, а только Богородица ведет коня, и

пастушок-негритенок сидит на этом коне. Ну так если кто-то что-то потеряет, есть такая присказка, верят так, потеряет, то попроси: «Пастушок-негритенок, найди для меня, пожалуйста, то, что я потерял». И найдет! [...] Не только в доме, он любил курить, тот черненький, то купи его сигареты и кинь где-то там. Говорят, что та сигарета куда-то денется.

К. Т., 72 года, Кампина-дас-Миссойнс

Us'iydá, tól'k'i šo tej ras, jak my malýje bulý, u nas tam Kamandáj, vadá t'ič'ét', i tadý buló toj bárkuj jézd'il'i, tepér je mastý týja, móna jéxat' i prajéxaw i pyšów, i vysókyje. A kadáz' buló i Kamandáj bal'sýj buw i malýj buw i ws'ák'ij, tréba buló lótkoj jéxac', tudý j nazát. To tato jak jézd'il'i u cérkvu č'i kudý yul'át', e, kón'i, jak v'ir'ówku až na drúyyj bok lótkoj pyrevézly, tadý tam ad'ín stajáw, a tadý dryyyj ats'úda i tadý kon' plávaw až na drúyyj box. I tadý padaždály tróxy, šob výsax, tadý klály, šo tréba, i tadý jéxaly do cérkvy, trúdná buló. *Kam'in'ónyw* n'i buló, mašýnyw n'i buló, tól'k'i ad'ín Andréj Marušák, t'ip'ér' jon tóže pomér užé bayáto γodýw, joyó buw *kam'in'ón*. Jon buw, maw, pradaváw, *bulíša* bulá, e, jon pradaváw, dak u joyó *kam'ijón* buw, dak tadý jak užé: “Sónn'i pajéd'im u cerk-”. Tel'efóna n'i buló, n'ič'óyo n'i buló, tak n'i znáju, jak perekázuvaly. I tadý ws'i na *kam'in'ón*, uvérx i ves' pównyj *kam'ijón* takó jéxaw do cérkvy. Jak vadú s'v'at'ít' č'i na Pásku, č'i na Rožestvó, mas bayáto l'ud'ej buló, bayáto-bayáto. Ja z mal'és'in'koyo až da sódn'i u toj sámyj cérkwi. *Mas* bulá starája, a t'ip'ér' pastójil'i, mají bat'k'i ws'e postrójil'i, xaróša cérkva je! Kládb'iš'e buló payáno ws'o zapúšč'enaje, jak jon t'ip'ér' jon *tesorero*, dak jon kamánduvaje, dak i zrubýly kras'ívu t'ip'ér'. *Sim*, kras'ívu zrobýly.

Всегда, только тогда, когда мы были маленькие, у нас там Командай [река], вода течет, тогда мы на лодке ездили, теперь есть эти мосты, можно ехать, проехал и пошел, и высокие [мосты]. А когда-то Командай был большой, был маленький и всякий, нужно было на лодке ехать, туда и назад. Когда папа ездил в церковь, или куда-то на праздник, кони, то веревку тянули на другой берег, лодкой перевозили, тогда там один стоял, и другой отсюда, и тогда конь плыл на другой берег. И тогда подождали немного, чтобы он высох, тогда клали, что нужно, и ехали в церковь, трудно было. Грузовиков не было, машин не было, только у одного Андрея Марушака, теперь он тоже уже умер много лет назад, у него был грузовик. У него был, он продавал, магазин у него был, он продавал, и у него был грузовик, и тогда он как уже скажет: «Сегодня поедем в церковь». Телефона не было, ничего не было, не знаю, как передавали [вести]. И тогда все на грузовик, на-

верх, и весь полный грузовик так ехал в церковь. Когда воду освящали, то ли на Пасху, то ли на Рождество, но было много людей, много-много. Я с детства и до сегодняшнего дня в той самой церкви. Но она была старая, а теперь построили, мои родители все построили, хорошая церковь! Кладбище было плохое, все запущено, с тех пор как он казначей, он командует, и сделали красиво теперь. Да, красиво сделали.

N'émcy jag žály, dak janý up'ir'ót, tut, a rúsk'ije užé um'ély, dak janý rukój i dak, zrázu pówna toj, a n'émcy potróšk'i-potróšk'i-potróšk'i, n'i-n'i, jim n'iskóra buló. A nam buló skóra, *porque* tátó i us'í pr'ivýšn'i bulý, abójim rukám- a adným zajmály, a druyým užé pówna. Ja éta pómnu, jak myj brat rúku razrézaw, žat', i tadý sús'etka tak skazála: "Id'i pas'úkaj". A jon pajšów da sáxaru nas'ípaw [смех], dúmaw, šo sáxar, i n'i razybráw, pas'úkaj, pajšów sáxaru nas'ípaw. Pryjšów, iz-za mastá, janá káže: "Jak, pas'úkaw?" — "Sim, ja sáxaru nas'ípaw". *Açucar* — sáxar. Pas'úkat' — pasc'át' [смех]. I kadáz' buló éta že, tróšk'i razrézat' i šop pasc'át', jak prajšló.

Когда немцы жали, они сначала, тут, а русские уже умели [жать], и они рукой — сразу полная, а немцы понемногу-понемногу, у них медленно шло. А у нас было быстро, потому что папа и все привыкли обеими руками [жать], одной брали, а другая уже полная. Я это помню, когда мой брат разрезал руку, он жал, и тогда соседка так сказала: «Иди помочись!» А он пошел и сахару насыпал [смех], думал, что сахар, не понял, «помочись», пошел и сахару насыпал. Пришел, из-за моста, она говорит: «Как, помочился?» — «Да, я сахару насыпал». *Açucar* — сахар, pas'úkat' — помочиться [смех]. И когда-то было это, немного разрезал и нужно помочиться, чтобы прошло.

Na Ržěstvó borš' várym, i ws'eyó tak! Mn'ása i ws'ayó, kúxa i dósy je ty, šo ja kazála vam, *bolachinha*, us'eyó je! T'ip'ér' n'e, kadáz' buló, na Rožestvó, na Nónyj yot, na Pásku, s'éjaly, v'éjaly i pas'ivály i z Nónym yódom pozdaravl'ájim, i, jak my malýja bulý, to ostaválys' i t'ómno-t'ómno, i jak paluč'íly tam užé, brály *sakul'in'ju* takúju mal'én'kuju, tam níquel, e, tróšk'i ytróš'iw, *mas*, takó d'it'ám! Ux! [...] "S'éju, v'éju, pas'iváju, z Nónym yódom pazdaravl'áju". I s'éjaly s'im'inó u xát'i, tak jak užé wxód'ily u xátu, i kukurúzu, i rys, i šo buló, *f'ižón* i te, buló téje *ararú*, to n'i znáju, jak janó typ'ér' skazáť, téje, dróbn'in'k'e šo, e, cypl'átam karmýť, n'i pómnu, jak my, janó pa-rúsk'i. Na Nónyj yot. P'ér'it Nónym yódoúm, jak my wstavály na Nónyj yot, šš'e buló t'ómna, užé pood'iválys'a i po daróyx p'éšk'i, n'i buló n'ič'óya jézd'it', d'ét'i pazbyrájucca i da tóyo sus'eda, i da tóyo sus'eda, užé

jak n'i móžna bol's xad'ít', to tadý da dómu [смех]. I s'éja- buló ból'se šč'e šop, e, zas'ivály, γavarýly kras'íva, t'ip'ér' n'i wzdúmaju bol's, mas jéta išs'é wzdúmala [...] Téje razý z'il'ónyja klály rós'i, c'jítý i ws'eyó, na Nóvyj ýot i na i na, n'i znáju, jak to skazát' vam, *mas que o que e feito em na Corpus Cristi*, ja n'i znáju, jak po-rusk'i ýeto skazát', *Corpus Cristi* po-brazyl'sk'i, to wstavl'ály tóže tak, jak tátó i máma v étyj d'en' uže býl'i, dak my u l'es is tátom i z mámoj, a n'e, to tól'k'i s tátom, jak máma n'i maylá, i tak'í mal'és'in'k'ije, šob buló tak'é lýst'a totó, tut mal'és'in'k'e tak'é, a tadý ból's'in'k'e, tadý ból's'in'k'e, ból's'in'k'e, až zdaróvyja, tadý i s pál'myw rézaly i tadý tak rabýly na nys týja lýst'a, a tadý na na pol téje, šo páxn'e, ws'u xátu, jag do sódn'i ja n'i zabúlas'a, jak tátó i máma, jak užé u subótú péryt Nóvym ýodo"m, to tátó^u i máma po ws'ej xát'i páxn'e, to xód'e, pšla pšla, a páxn'e, páxn'e ws'o. I tadý my stávl'aly tak tam mal'és'in'ko ýetoj ból'se, ból'se, a vraz užé zdaróvyje. Kras'ívo buló, to célu n'id'él'u na te tól'k'i d'ivýlys'a, dúže xarašó buló. A užé nášy syný jak najšílys'a, wže pozabuvály jétaje, n'íxto užé bol's n'i rabýw. Dúže tréba buló rabótat', jak tátó i máma bulý, na kan'áx my jézd'ily, n'id'él'u céluju bulý, da d'eda, da báby, da t'ótka, da d'át'ka pajéxaly, a tadý užé tréba buló bayáto bol's rabótat', n'i znaju, jak ws'o xar-lúč'e, vadá id'ét', tól'k'i raš'c'in'ít', rán'se is kalód'ac'a nas'íly, dal'óka kolód'ec'i bulý, i buló wrém'ja jim, (j)ak janý n'i b, n'i rabýly bayáto", č'o móna buló, šob jést'i? Ad'óza adná-dv'e buló, dóbre buló, n'ixtó n'i kazáw, tyjvó ad'ózy, payányj xód'iš.

На Рождество борщ варим, и всего! Мяса и всего, пирог и сладости, о которых я вам говорила, печенье, все есть. Сейчас нет, когда-то было [что ходили по домам], на Рождество, на Новый год, на Пасху, сеяли, веяли и посевали, и с Новым годом поздравляли, и когда мы маленькие были, то оставались дотемна, и когда получили уже, брали небольшой мешочек такой, там монета, немного денег, но это так, для детей! Ух! [...] «Сею, вею, посеяю, с Новым годом поздравляю». И сеяли семена дома, когда уже входили в дом, и кукурузу, и рис, что было, фасоль и это, было это арапý [лат. *maranta arundinacea*], это я не знаю, как сейчас сказать, такое мелкое, что цыплят кормить, не помню, как оно по-русски. На Новый год. Перед Новым годом, когда мы вставали на Новый год, еще было темно, уже оделись и по дорогам пешком, не было на чем ехать, дети оденутся и к одному соседу пойдут, к другому соседу, уже когда нельзя было больше ходить, то тогда шли домой. И сеяли, было больше еще, засевали, говорили красиво, сейчас не вспомню больше, но вот это я еще вспомнила [...] Тогда зелень клали, цветы и все, на Новый год и на, я не знаю, как это вам сказать, что делают на Праздник Тела и Крови Христовой, я не знаю,

как по-русски это сказать, Корпус Кристи по-бразильски, это вставляли тоже так, когда папа и мама в этот день уже были, и мы в лесу с папой и с мамой, или только с папой, когда мама не могла, и такие маленькие, чтобы были такие листья, тут маленькое такое, и побольше-побольше, и большие, и с пальм резали и клали на пол эти листья, и пол то, что пахнет, весь дом [устилали], до сегодня я не забыла, как папа и мама, как уже в субботу перед Новым годом, папа и мама по всему дому пахнет, ходят, а пахнет, пахнет все. И тогда мы клали там побольше-побольше, а потом большие. Красиво было, и целую неделю на это только смотрели, очень хорошо было. А уже когда появились наши сыновья, уже позабывали это, никто уже больше не делал. Очень много нужно было работать, как папа и мама были, на лошадях ездили, неделю целую были, к дедушке, бабушке, тете, дяде поехали, а тогда уже нужно было намного больше работать, не знаю, как лучше, вода идет, только развести, раньше из колодца воду носили, далеко колодцы были, и у них было время, если бы они не работали много, разве было бы что есть? Одежда, одна-две было, хорошо было, никто не говорил, что ты ходишь в плохой одежде.

Sim, kúxu. Na Rožystvó, na Pásku, dak tadý pásku p'íklý. Kúxa tak jak pánska, tól'k'i šo janá zvéca kúxa. Po-brazyl'ísk'i kúka, a pa-rusk'i kúxa. Jak kúxa, to dl'ínna, a jak pánska, krúyla. Muká i xto xat'ew, mox klást'i šo xat'ew, to n'e, dak samá tája, i salótk'ije. I tadý rabýly kras'ívu, kruyóm i s'irótku i, ja š'e da sódn'e, tréba, to rabl'ú.

Да, пирог [готовили]. На Рождество, на Пасху, тогда паску пекли. Пирог это как паска, только она называется куха. По-бразильски кука, а по-русски — куха. Если куха — то длинная, а если паска — то круглая. Мака и кто что хотел мог класть, и только эта, и сладкие. И делали красиво, вокруг и в середине, я еще и до сегодняшнего дня делаю.

Na São João, da t'ip'ér' d'ét'i, mas paubyrájuca, i š'l'ápy paubyrájut', i ad'óžu poubyrájut', i d'évačk'i dak tak'íje ad'óžy nós'at', a xlópc'i tak'íje, e, kusk'i pra-a, paštyje povérx, o n'e to raš'č'in'anyje téje, jak mátuška č'i te-, máma kazála: "Tréba zašýt", a janý parazrvájut' joó, šop kras'ívo^u buló. Da t'ip'ér' je, n'e-e, x'ibá to kras'ívo mas! I s'p'ivájut', i d'et'i mas! Dúže kras'ívo. My tóže tak sámo, na São João ad'inákyje kadáz' buló da sódn'e, étyj d'en' ws i d'et'i ták'i dažydájut' São João.

На Сан-Жуан [24.06], и сейчас дети наряжаются, и шляпы наденут и костюмы, и девочки такие костюмы носят, а мальчики такие, куски [материи], нашитые сверху, или раскрытие, как мама говорила: «Нужно зашить», а они

разорвут ее, чтобы красиво было. И сегодня есть это, и так красиво! И поют дети! Очень красиво, мы тоже так делали, на Сан-Жуан, одинаково было раньше и сейчас, этот день все дети ждут, Сан-Жуан.

Tóže pýšut', janý pýšut' jak, ja n'i znáju, jak právyl'no raskazát' ot, *sabe como?* My pazabuvály bayáto, šop tepér buló mojá wnúčka, to jańa p raskazála kras'ív- dak iš'é po-brazyl'sk'i. Raspýsuvajut' i žén'acca, i za rúk'i berút', i skakájut', i tanc'ujut', i ws'eyó róbl'at'. Pýšut', šo je ž'ínka, čolov'ék i ws'o tak jag by žyn'ílys'a. *Mas tak'é-e. Fantasia, sim. Č'ítajut, sim,* što ja téje, tak jag by žyn'ílys'a. D'ét'i, *mas to, fantasia, n'ič'óya n'ipráv'ilno. Mas to šo yul'ájucca tak.* I s pálačkuoj xód'at' i tak jak d'ét'i bába, i us'eyó je! *Mas janý mal'én'k'ije-e.* I platká nad'énut' i plátt'e dlínneje, i tadý tu palačku i idút'. *Bem kras'ívo!* Tóže. Náše wrém'ja buló kras'íve, my, tól'k'i p nam buló payáno *porque dal'óka cérvka bulá, p'jat' c'i šest' k'ilómetr'iw.*

Тоже пишут, они пишут [имена будущего супруга / будущей супруги на бумаге], я не знаю, как правильно рассказать, знаешь как? Мы забыли много, если бы теперь была моя внучка, то она рассказала бы красиво, и еще по-бразильски. Расписывают и женятся, и за руки берут, и прыгают, и танцуют, и все делают. Пишут, кто жена, муж, и все делают, как будто женятся. Но это так, выдумки, да. Читают, да, что я то-то, как будто женятся. Дети, но это выдумки, ничего неправильно. Но празднуют так. И с палочкой ходят, как дед и баба, всё есть! Но они маленькие. И платок наденут и платье длинное, и возьмут палочку и идут. Очень красиво! Тоже. В наше время было красиво, только для нас было плохо, потому что церковь далеко была, пять или шесть километров.

Литература

- Заболоцкий 2009 — Ж. А. Заболоцкий Русская иммиграция в Бразилии. В долгий путь надежды. Santa Rosa/RS, 2009.
- Пилипенко, Борисов, Немчинов 2025 — Г. П. Пилипенко, С. А. Борисов, В. А. Немчинов. Обзор полевого исследования у славянских сообществ Аргентины и Бразилии // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2025. № 1 (в печати).

Summary

Gleb P. Pilipenko

**Texts in Slavic languages from Rio Grande do Sul (Brazil)
(based on the materials of the 2024 field research)**

The published texts were recorded during a field study in the Brazilian state of Rio Grande do Sul in 2024 by the staff of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. Narratives in Polish and Ukrainian from five informants are presented. Texts from this region are published for the first time and are of interest both for Slavic dialectology and for contact study researches, since they contain numerous contact phenomena.

Keywords: Polish language, Ukrainian language, Portuguese language, contactology, narrative, field research, Brazil.